

очередь. Машина «заковыляла» по шоссе и ткнулась в кювет.

— Порядок! — резюмировал Жорж Струтинский.

Не успели партизаны подбежать к подбитому бронированному лимузину, как там раздались два pistolетных хлопка, и все стихло. Невдалеке показалась третья машина. Но сидевшие в ней заметили, что впереди какая-то свалка, и дали задний ход.

«Подвижная засада», придуманная Кузнецовым, — небывалый пример в истории партизанской борьбы — сыграла замечательную роль. Николай Кузнецов и возглавляемая им группа подкараулили тех, кого ждали. «Охота на индюков», как говорил Кузнецов, прошла удачно.

— Важных птиц заарканили! — удивлялись партизаны своей «работе».

Кузнецов скомандовал:

— Погрузите все трофеи в повозку.

Портфели, оружие, раненых и убитых гитлеровских офицеров сложили на фурманку. Лошади тронулись. Мороз под тридцать градусов. В повозках тесно, и некоторым из партизан пришлось присесть прямо на «трупы».

Когда же приехали на хутор своего человека Вацлава Жигадло, гитлеровцы, полежав несколько минут на открытых подводах, вдруг... зашевелились! Оказалось, что пленные притворились убитыми.

Просматривая документы гитлеровцев, Кузнецов еще раз убедился, что в партизанские сети попались те, кого он давно ждал. Советник военного управления майор доктор Райс, читал Николай Иванович удостоверения вражеских военачальников, зондерфюрер граф Гаан. Ого, это уже не птичка, настоящий зубр! Технический инспектор телеграфа Плетнер, обер-лейтенант Макс, сотрудник почтовой службы... Водители автомобилей и две девицы, ехавшие с господами офицерами, в счет уже не шли.

Граф Гаан, майор Райс и инспектор телеграфа Плетнер возвращались из Киева с прифронтового совещания и везли с собой секретные информационные материалы. Особенно богат был ими большой желтый портфель подполковника.

На следующее утро командование партизанского отряда вело допрос пленных. Переводчиком был Николай Кузнецов.

Зондерфюрер Гаан, увидев перед собой подтянутого немецкого офицера, вскипел:

— Я удивляюсь, что вы, офицер великой германской армии, так дешево продались большевикам! С кем вы пошли против фюрера? С лесными бандитами! Офицер вермахта — большевистский партизан! О майн готт!

Кузнецов остался доволен «оценкой», которую ему дал высокий «экзаменатор». Это означало, что разведчик, как говорят артисты, вжился в образ.

На допросе пленные дали ценные показания. Подполковник Гаан и майор Райс помогли расшифровать карту с густой сеткой, обозначавшей средства связи и пути сообщения гитлеровской Германии, начиная от ее западных границ. На карте были отмечены станции железных дорог, шоссе и грунтовые дороги, действующие и подорванные мосты на всей оккупированной территории Украины. И здесь внимание Кузнецова привлекла красная линия. Она шла от Якушинец, что под Винницей, на Берлин. Чем объяснить такой интерес к украинской деревушке? Ясно было, что здесь нечто важное.

Как ни запирались оба фашистских офицера, они вынуждены были раскрыть «государственную тайну». Советской разведке стало известно, что красная линия на карте обозначала секретный бронированный кабель, соединявший «Вервольф» — ставку Гитлера — с Берлином.

Охота за «индюками» на шоссе была обставлена таким образом, что гитлеровская разведка посчитала ее обычным налетом партизан. Но это было далеко не так.

БУДНИ РАЗВЕДЧИКА

Чтобы понять, какая опасность грозила разведчику Кузнецову, надо знать условия, в которых приходилось ему действовать. Крута и обрывиста тропа разведчика, проходящая по краю пропасти. Какие же крепкие нервы, какой холодный рассудок, какую осторожность, неустанную бдительность надо было иметь, чтобы не оступиться в бездну.

Ему нужно было знать все: и ночные пароли для беспрепятственного хождения по городу после комендантского часа, нравы и обычаи гитлеровского офицерства и многое другое, чтобы не быть разоблаченным и схваченным службой безопасности противника. Когда в Ровно начинались поквартирные обыски после очередной акции советских разведчиков и подпольщиков, Николай Кузнецов выходил на улицу и совершал «моцион», прогуливался по тротуару. В этом был свой расчет. На улице враг менее бдителен, и, если патруль проверит документы немецкого обер-лейтенанта Зиберта, он ограничится одной офицерской книжкой. В квартире же, особенно зимой, проверяющие не торопятся. Они досконально изучают документы, выпрашивая, откуда прибыл человек, зачем. На улице к тому же больше возможности при необходимости уйти от врагов.

Но Кузнецов имел все, что необходимо разведчику. Он быстро завел нужные ему знакомства, подобрал надежных помощников.

...Мечислав Стефанский осенью тридцать девятого года перешел советско-польскую границу. Польский солдат Стефанский знал, что только Советский Союз способен противостоять военной машине гитлеровской Германии. Мечислав хотел сражаться с фашистами, которые поработили его родину.

Много раз Стефанский переплывал Буг. Оказавшись на польском берегу, он шел из города в город. Он вспомнил адреса всех своих знакомых. Патриот стал советским разведчиком. Цепкий взгляд Стефанского замечал все: и новые части, прибывшие в польский город, и составы, везущие к советской границе орудия, танки...

Когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, Мечислав на какое-то время остался «не у дел». Ему было приказано ждать дальнейших распоряжений в Ровно, где находилась его семья.

Стефанский, боец невидимого фронта, был дисциплинированным солдатом. Он ждал. А о нем, казалось, забыли. Ровно оккупировали фашисты. Пришлось искать работу. Устроился истопником к городскому комиссару.

Но пришло время, и о Стефанском вспомнили. Его навестил Николай Струтинский. Подолгу вел разговоры о разных пустяках. Мечислав первое время держался отчужденно, не особенно полагаясь на этого человека,

потому что видел несколько раз: Струтинский возит в машине немецкого офицера. Наконец пришел день, когда Струтинский сказал:

— Мы хорошо знаем тебя, Мечислав. Ведь ты ходил по ту сторону Буга. Сегодня с тобою побеседует один человек. Фамилия его Грачев.

Но «Грачев» для Стефанского не был Грачевым, он был Паулем Зибертом, которого Мечислав не раз видел в обществе офицеров у городского комиссариата. И вот теперь этот человек, сидя в зашторенной комнате, спрашивает хозяина квартиры, кого знает Стефанский из надежных людей, кто посещает городской комиссариат, есть ли там люди, на которых можно положиться.

Вскоре Стефанский и его жена стали боевыми помощниками Николая Кузнецова. Мечислав собирал для разведчика сведения, подбирал верных людей. Квартира Стефанского была местом прибежища Зиберта и его шофера на особые случаи.

Кроме Стефанских, из числа польских патриотов замечательным помощником и смелым разведчиком стал Ян Каминский. Кузнецов умело находил нужных ему людей. В этом была его сила.

Николая Кузнецова часто можно было видеть в компаниях немецких офицеров, на именинах, у знакомых девиц. Лился коньяк, а вино развязывает языки. Играл патефон. За рюмкой шнапса гитлеровские офицеры ненароком роняли хвастливые фразы, показывая свою осведомленность в военных тайнах и других секретах. Их слушал Пауль Зиберт, их слушали его боевые помощники. Из отдельных деталей позже вырисовывались зримые планы врага... Офицеры танцевали и пели, играли в карты и рассказывали анекдоты. Вместе с тыловиками на такие вечеринки попадали и офицеры, проезжавшие на фронт.

Танцует такой герой-войка и начинает похвастаться своей партнерше, где он побывал в Европе. Другой, пожаловавшись на то, что долго ходит в обер-лейтенантах, заявлял, что впереди у него большое будущее. Под Орлом, куда обер-лейтенант направляется в составе танковой бригады, он еще покажет себя и вернется к фрейлейн с «дубовыми листьями», в чине не менее капитана.

В числе знакомых Кузнецова был матерый гитлеровский разведчик фон Ортель, шеф местного СД. Добро-

вольным помощником Кузнецова стал один из офицеров рейхскомиссариата, ненавидевший гитлеризм.

И какую же надо было иметь духовную силу, чтобы, слушая человеконенавистнический бред о германизации советской земли, улыбаться врагу, слушать бахвальства гитлеровцев о кровавых расправах над славянами и сдерживать кипящую ненависть сердца! Но когда фашисты в пылу откровения жаловались, что партизаны не дают покоя, что на железных дорогах летят под откос поезда, а для Восточного фронта германская нация вынуждена регулярно поставлять «мороженое мясо» (так метко немцы окрестили свои потери во время зимней кампании на советском фронте), Кузнецов внутренне торжествовал над врагом.

Разведчики, работавшие в Здолбунове, готовились взорвать Прозоровский железнодорожный мост. Молодой женщине-подпольщице Ванде Пилипчук было поручено пронести по улицам тяжелый чемодан со смертоносным грузом — взрывчаткой. Ее негласно сопровождала вооруженная группа охранения. На случай, если бы Ванду остановили немцы, следом за нею шествовал офицер в узком, мышиного цвета френче, увенчанном орденами, в высоких лакированных сапогах. Офицер, увязавшийся за Вандой, очень пугал подпольщицу. Она не знала, что это был Николай Иванович Кузнецов, приехавший в Здолбунов специально, чтобы сопроводить Ванду с опасным грузом до места назначения. В кармане френча офицера имелось мощное оружие — металлический овальный жетон особо доверенного сотрудника гестапо.

Задание было выполнено успешно — партизаны взорвали железнодорожный мост.

...Случайность нередко подстерегает разведчика. При встрече с нею все зависит от выдержки человека, его находчивости.

Однажды при знакомстве видный гестаповец окинул Пауля Зиберта колючим взглядом и холодно сказал:

— А ваше лицо мне знакомо. Мы с вами встречались...

— Вполне возможно, — невозмутимо ответил Кузнецов, — городок этот, что куриное гнездышко, не разминешься.

— Нет, не здесь, а в Германии...

— Что ж, я из Восточной Пруссии! Если вы мой зем-

ляк — будем друзьями! — весело воскликнул Пауль Зиберт.

Прием «узнавания», прощупывания, был приемом хитрого коварного врага, рассчитанным на слаонервных.

Кузнецов не только в разведке, но и во время стычек с гитлеровцами и националистами не раз показывал свое бесстрашие в открытом бою, свои организаторские командирские способности.

Командир отряда Д. Н. Медведев впоследствии писал:

«Ненависть, которую Николай Иванович Кузнецов питал к гитлеровцам и их пособникам — украинским националистам, проглядывала в каждом его слове, в каждом движении. Может быть, этим и объясняется то, что частые стычки, которые происходили между руководимой им немногочисленной группой партизан и значительными по численности подразделениями немцев и украинских националистов, кончились полным разгромом последних».

Новый 1943 год Кузнецов ознаменовал тем, что, возвращаясь со своей группой в отряд, уничтожил три автомашины и перебил несколько офицеров.

«В январе группа партизан, — вспоминает участник отряда Медведев И. П. Филиппов, — шла с задания из-под Ровно. В деревне Хотынь попала в засаду националистов. Завязался бой. Кузнецов с криком «Не робей, ребята!» вырвался вперед. Товарищи бросились за ним. Бандеровцы не выдержали и начали разбегаться. Партизаны поодиночке стали уничтожать бандитов.

В бою особенно отличился Николай Иванович. Он буквально гонялся за националистами с пистолетом в руках, увлекая за собой товарищей. Еще свистели пули перестрелки, а Кузнецов стоял на берегу, разгоряченный схваткой. Глаза его горели радостью победителя.

О его смелости долго говорили в отряде, как о при мере бесстрашия, говорили о нем как о решительном, отважном командире, партизанском вожаке».

«В начале марта Кузнецов с небольшой группой партизан ехал в отряд для доклада командованию. По пути неоднократно встречались бульбовцы. В одном из сел перед переправой через реку Случь бульбаши преградили путь. Кузнецов принял команду на себя. Короткий стремительный бой — и националисты бежали.

Бандиты долго не могли забыть этого урока, заданного им партизанами.

Н. И. Кузнецов пользовался всеобщей любовью и уважением. Инициативный, храбрый, всегда жизнерадостный, он мог рассчитывать на то, что каждый боец охотно пойдет за ним на самую опасную операцию... Н. И. Кузнецов разработал целый ряд вариантов открытого вооруженного нападения на дворец Коха, который весьма тщательно охранялся. В этих вариантах Кузнецов самую опасную роль «оставлял» только за собой¹.

...Между тем текли суровые будни разведчика в стане врага. В апреле Кузнецов сообщает в отряд данные о численности гарнизона в Ровно, о содержании приказа Коха, призывающего к беспощадной борьбе с партизанами. «В Ровно создается полк польской полиции во главе с капитаном», — доносил разведчик. «В Германии объявлена тотальная мобилизация всех возрастов мужчин, годных к военной службе, независимо от специальности и занимаемой должности». Это была приятная новость. Она говорила, что людские ресурсы гитлеровской машины войны начинают истощаться.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПАЛАЧОМ

Разгром немецко-фашистских оккупантов под Москвой и на Волге, провал гитлеровской доктрины молниеносной войны с Советской Россией не охладили пыл фашистских главарей. Они по-прежнему кричали о лебенсрауме, о признании немецкой «херренфольк» — расы господ, отравляя сознание немцев ядом нацистской пропаганды. Выступая в Киеве на совещании национал-социалистической партии в марте 1943 года, гауляйтер Кох призывал: «Мы являемся расой господ, и мы должны управлять жестоко... Я пришел сюда, чтобы помочь фюреру...» Еще раньше в газете «Дейче Украине цейтунг» он писал: «Как имперский комиссар, я получил

¹ Воспоминания командира партизанского отряда Д. Н. Медведева. Сб.: Борьба трудящихся Львовщины против немецко-фашистских захватчиков. Львов, «Свободная Украина», 1949.

богатую почвой и растительностью Украину, которая по воле фюрера будет использована для нужд Европы. В завоеванных вами областях вы раньше всех получите предприятия, место работы...»

— Получите, — сказал Кузнецов, прочитав статью рейхскомиссара. — Получите по два метра богатой земли!

С тех пор как началась подготовка к возмездию над гауляйтером-палачом, Кузнецов внимательно следил за выступлениями Коха, его приказами. Он вел свой счет преступлениям кровавого палача Украины. И это не давало остывать, угасать патриотическому гневу, который клочкотал в душе Николая Кузнецова.

Кровавым террором, душегубками и кремационными печами концлагерей расчищали себе нацисты жизненное пространство, запугивали и убивали поработанных людей.

Но советские люди не хотели мириться с «новым порядком» варваров двадцатого столетия, они не хотели добровольно подставлять шею под ярмо оккупантов.

Партизаны и подпольщики мстили врагу.

10 марта 1943 года ровенская газета немецких оккупантов «Вольнь» опубликовала следующее извещение:

«8 марта пытались убежать заключенные ровенской тюрьмы. При этом они убили одного немецкого тюремного чиновника и одного часового. Энергичным выступлением тюремная стража предотвратила бегство. По распоряжению командующего немецкой полиции безопасности и СД в тот же день были расстреляны все заключенные в тюрьме».

Это известие об очередном чудовищном преступлении гитлеровцев потрясло Николая Кузнецова до глубины души. Он поклялся отомстить за кровь погибших. И патриот сдержал свою клятву.

...У Коха заболели зубы. Об этом узнал Николай Кузнецов и решил, что если Кох собирается надеть на зубы коронку, то необходимо сделать так, чтобы у рейхскомиссара никогда больше не появилось такого желания.

Было установлено: зубным врачом в Ровно работает бывший однокашник Коха, с которым гауляйтер в детстве учился в одной школе и даже сидел за одной партой. Разведчики узнали, кто работает у этого врача зубными техниками.

Все шло хорошо. Но Кох слишком боялся за свою презренную шкуру и не воспользовался помощью друга, а улетел лечить зубы в Кенигсберг.

Тогда Кузнецов придумал новый вариант охоты на палача. Он дал задание Василию Буриму подыскать квартиру в центре, чтобы с ее балкона можно было убрать немецкого палача из бесшумной винтовки.

В Ровно полным ходом шла подготовка к параду по случаю дня рождения Гитлера. Доложив об этом на совещании штаба отряда, Кузнецов заявил: «Командовать парадом будем мы, партизаны».

Бурим, выполняя поручение, совершил прогулку по площади, где была сооружена трибуна. Ему понравился балкончик третьего этажа дома, половина которого была разбита во время бомбежки. На балкончике висело детское белье. Из дверей комнаты на балкон нет-нет выбегали двое малышей: мальчик и девочка лет трех-пяти. Потом показалась молодая особа в белом полотняном платье. Через несколько минут она вышла на улицу и, стоя на тротуаре, задрала голову вверх, прокричала по-польски:

— Збышко, не вылазь на балкон, а то упадешь и убьешься!

Бурим подошел к молодой женщине и, извинившись на чисто польском языке, попросил:

— Пани, сделайте мне такую услугу — купите редиски! Я не могу уйти с этого места, потому что ожидаю свою колонну машин. Сам я нездешний и не знаю, где находится базар. Будьте любезны, пани! — настоятельно уговаривал Бурим женщину, а сам между тем, вытащив из кармана пачку немецких денег, отсчитал двести марок, подал их незнакомке. Та оживилась, взяла деньги.

— Так я зайду к вам, если не сегодня, то завтра, — сказал Бурим на прощание. — Наша колонна задержится в Ровно на несколько дней. Как вас зовут? Стася... А это ваши дети? — поинтересовался он. — Нет, вшей сестры Кази?

Встретившись с Кузнецовым, Бурим похвалился, докладывая о результатах поиска:

— Имею возможность побывать в квартире на балкончике, выходящем на площадь!

Николай Иванович обнял помощника и воскликнул:

— Вася, тебя ж надо расцеловать!.. Держи эту квар-

тиру! Подготовь хозяев, чтобы туда мог зайти Шевчук. Скажи о нем, что это твой начальник колонны, поляк.

На следующий день Бурим уже карабкался по железной лестнице на третий этаж. Войдя в квартиру швагера, который назвал себя Здиславом Кутылевским, он застал там Стасю и молодую женщину. «Это ее сестра Казя», — мысленно отметил про себя Бурим. Здесь же были двое детишек. Бурим дал ребятишкам конфет, а старших попросил разделить компанию с ним. Выпили бутылочку немецкого коньяка, и разговор пошел на польском языке.

— Как трудно стало жить, — начал жаловаться Бурим. — В моем родном городе Люблине сейчас так плохо с харчами!..

Слово за слово, и гость ввернул, что в Варшаве поляки крепко ненавидят немцев...

Через неделю Бурим зашел к Кутылевским с Шевчуком. Михаил Шевчук еще больше расположил к себе польскую семью. У него нашлось угощение для всех.

Бурим ушел раньше, Шевчук остался. Придя на квартиру, где его ожидали Кузнецов и Бурим, Шевчук рассказал, что поляк Здислав ему открылся: оказалось, что он состоит членом Армии Крайовой.

Спустя несколько дней Бурим вновь пришел к Кутылевскому и сказал:

— Мой шеф-немец хочет купить масла и яиц, а мне не доверяет деньги.

Пани Казя и пани Стася восторженно приняли это известие.

Прежде чем отправиться с Буримом в город, на квартиру Кутылевского, Кузнецов несколько раз прорепетировал со своим помощником, как нужно приветствовать, встречая немцев, как смеяться и как величественно идти.

Дорогой, как и следовало ожидать, то и дело встречались немецкие солдаты. Они вскидывали перед собой правую руку и кричали: «Хайль Гитлер!» Гауптман и шедший с ним человек в гражданском отвечали им. Когда Кузнецов с Буримом были недалеко от квартиры поляка, им пришлось проходить мимо группы военных в чинах фельдфебелей. Увидев немецкого офицера, они заорали: «Хайль Гитлер!» — а один зазевался...

Кузнецов — Зиберт остановился, подозвал этого фельдфебеля и, покраснев, закричал по-немецки:

Н. И. Кузнецов в первые дни пребывания в партизанском отряде.

Командир партизанского отряда полковник Д. Н. Медведев.

Комиссар партизанского отряда полковник С. Т. Стехов.

Кузнецов — Зиберт. Таким он появлялся на улицах Ровно в октябре 1942 г.

Н. И. Кузнецов в мундире немецкого офицера. Работа художницы И. В. Лазаревой (г. Винница).

Многие гитлеровские офицеры считали лестным сфотографироваться с Зибертом... На снимке (четвертый слева) Н. Кузнецов, (справа) партизаны Иван Приходько и Ян Каминский.

Иван Васильевич Белов, погибший с Кузнецовым.

Ян Каминский, погибший с Кузнецовым.

